

УДК 101.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕГОДНЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КАНТОВСКОГО ПОНЯТИЯ «ПОСТУЛАТ»)¹

Крыштон Л. Э.

Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: kryshtop_le@rudn.university

Интерес к языку и к языковой форме выражения мысли был присущ философии с самого начала ее существования. Уже у философов древности мы находим развернутые концепции языка. Еще больший интерес к этой сфере мы отмечаем в Средние века, когда исследования терминологического аппарата были направлены прежде всего на Священное Писание и имели целью лучше его понять. Однако уже в эпоху Просвещения герменевтические методы исследования текста с сакральных текстов переносятся на тексты философские. Так, в частности, еще при жизни Канта появляются первые справочники его понятийного языка. Сегодня для подобного рода анализа все чаще используется компьютерная техника. В статье рассматривается значение электронно-вычислительной техники для историко-философских исследований. Позволяя анализировать большие объемы информации, современная техника предоставляет широкие возможности использования количественных методов исследования терминологического языка разных философов. Последнее, в свою очередь, позволяет лучше понять смысл и проследить генезис становления философских взглядов мыслителей. В качестве примера разбирается анализ термина «постулат» в философии И. Канта.

Ключевые слова: количественные методы, история философии, методология, понятие, термин, индекс, Кант, кантоведение.

Язык – одно из важнейших изобретений человека и один из важнейших инструментов постижения человеком окружающего мира. Издревле проблема языка вызывала интерес у мыслителей разных культур. В Древнем Китае мы находим концепцию «исправления имен», посвященную анализу соответствия или несоответствия имен сущностям вещей. В европейском регионе уже во времена античности мы находим весьма продуманные семиотические теории, например, у стоиков. Ничуть не меньшее внимание проблеме языка уделялось в Средние века (спор об универсалиях) и в Новое время (поиск ясных, отчетливых понятий для построения философских систем) и в эпоху Просвещения (борьба с предрассудками и заблуждениями, вызванными в том числе и неправильным словоупотреблением). В современности проблема языка связана с междисциплинарными исследованиями, где задействуются подходы различных наук – философии, культурологии,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта No 16-03-00806а.

социологии, лингвистики. В центре внимания находится ряд вопросов, вызывающих широкие дискуссии и обсуждения. Насколько тесно связаны мышление и язык? Является ли мышление полностью языковым или мышление все же возможно и без речи?

Сегодня у нас нет однозначного ответа на такие вопросы. Но некоторые основные моменты взаимосвязи языка и мышления все же установить удастся. В частности, Л. С. Выготский (1896–1934), опираясь на ряд экспериментов, показал, что мышление и речь являются двумя независимыми друг от друга процессами, лишь частично пересекающимися. Таковой вывод делается на основании наличия так называемой неинтеллектуальной речи (неосмысленное воспроизведение чего-то заученного) и неречевого мышления (практический интеллект), неплохо развитого и у не обладающих способностью к речи обезьян [1, с. 81–108]. С другой же стороны, так называемое речевое мышление (а именно таковым, по сути, и является все теоретическое мышление) тесно связано с феноменом внутренней речи. Единицей же такого мышления является, по Выготскому, слово. Но именно из факта изначальной нетождественности процессов мышления и речи следует вывод, что слово не представляет собой простого зеркального отражения мысли. Другими словами, «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [2, с. 286].

Это положение во многом созвучно герменевтическому тезису, согласно которому мир всегда является нам уже в языке. Именно наше словоупотребление и оказывается первым раскрытием мира, первой его интерпретацией, на которую нанизываются другие, более частные интерпретации позитивных наук. Такой подход позволяет выделить присущую философии дисциплинарную особенность. Очерченность предметного поля (будь то чувственно воспринимаемое, как в естественных науках, или нет – как в теологии) определяет специфику «частных» интерпретаций мира. На этом фоне философия выделяется именно тем, что, поставив своей задачей целостное постижение мироздания, дистанцируется от конкретики предмета, а следовательно, не вмещается в рамки искусственно ограниченного языка, подходившего бы под нужды однозначного описания этого предмета. И даже попытки низведения философии с ранга метафизики к простому анализу языков других наук, заявляемые в XX в., не смогли устранить этой особенности философии.

Оказываясь наиболее тесно связанной с постижением являемого мира, философия вместе с тем неразрывно связана с обыденным словоупотреблением, которое обуславливает первичный образ мира. Укорененное в повседневной жизни словоупотребление обуславливает процесс создание понятий в рамках «частных интерпретаций» – и это проблема в том смысле, что вовлеченная в данный процесс философия (не существовавшая бы без понятий) рассматривает этот процесс как собственно задачу философии. Г. Г. Гадамер считает, что «единственный философский честный выход из этой ситуации – осознать соотношение слова и понятия как определяющее для нашей мысли» [3] и воспринимать «историю понятий» как сущностную часть философии.

Обозначаемая в современной герменевтике проблема языка как проблема сущности философии имеет своим историческим контекстом вопрос об истолковании текстов. И здесь не лишним будет отметить, что «герменевтика» на протяжении большего периода своего существования как дисциплины означала ничто иное, как именно искусство истолкования сакральных текстов христианской традиции. При этом дело это представлялось чрезвычайно важным, так как именно библейские тексты воспринимались как источник знания божественных истин, необходимых не для благополучного устройства в этом временном, земном мире, а для вечного спасения души человека. Но как можно понять и постичь эти истины, если мы не понимаем, какой смысл вкладывался в слова Священного Писания? Ведь этот текст, хоть он и обладает непреложной ценностью, тем не менее создавался для людей прошлых веков, а значит, был ориентирован на те исторические и культурные реалии, которые были понятны простым людям тех времен, но вовсе необязательно могут быть понятны нам сегодня. В связи с этим и вставала необходимость изучения истории, географии, культуры, особенностей быта и религиозного ритуала евреев с целью лучше понять те вечные истины, которые Бог открыл для нас в Священном Писании (временном, как и любой текст). В конечном счете именно из этого подхода и выросли как историческая критика Священного Писания, так и связанные с ней поиски исторического Христа, зародившиеся и быстро развившиеся в эпоху зрелого Просвещения в протестантской Германии. Другой стороной этого «обмирщения» процесса применения герменевтических методов к Священному Писанию стало сознательное применение этих же методов к исследованию других (уже не сакральных в прямом смысле слова) текстов. На этом этапе развития герменевтики особую роль сыграли тексты И. Канта, понятийный аппарат которых подвергся пристальному исследованию еще при его жизни.

Известно кантовское стремление создать однозначные термины для обозначения основных понятий философской системы. Равно как известны и его неудачи на этом пути – упомянем о парадоксальном определении терминов «трансцендентальный» и «трансцендентный» в «Трансцендентальной диалектике» «Критики чистого разума». Язык Канта интересен еще и по той причине, что в нем мы наблюдаем значительное смешение как немецких форм понятий, так и латинских, употребляемых в то время. Ибо несмотря на попытки, предпринятые еще Вольфом, по созданию немецкого философского языка язык этот до Канта сформировавшимся назвать трудно. При этом однако не всегда понятно, когда латинская и немецкая формы понятия являются лишь синонимами, а когда они должны восприниматься как маркировки разных понятий. Такое смешение языковых форм на фоне стремления провести четкие различия между вновь вводимыми понятиями и теми, которые употребляются предшественниками и современниками, помноженное на уверенность Канта в том, что для основания его новой критической философии «необходимо разработать даже особые технические термины» [13, S. 199; 4, S. 503], создают то причудливое многообразие четких дефиниций, даваемых Кантом при всяком удобном случае и далеко не всегда способных непротиворечиво сочетаться в единое целое его философской системы. Споры о том, насколько оправданы новые терминологические изобретения Канта,

красной нитью проходят сквозь большинство работ XVIII–XIX вв., посвященных кантовской философии [11, S. IX]. Именно это и послужило началом отдельной области кантоведения – кантофилологии [20, р. VII; 7, с. 154–173].

Самым первым примером попыток систематического осмысления и разъяснения кантовской терминологии можно считать труд Карла Христиана Эрхарда Шмида «Словарь для более легкого употребления кантовских сочинений» (1786) [19], который вскоре стал настолько популярным, что выдержал несколько расширенных переизданий еще при жизни Канта. За этой работой последовали и другие работы подобного рода, например: «Энциклопедический словарь критической философии» Георга Самуэля Альберта Меллина (1797) [18] и многотомный «Новый всеобщий философский реальный лексикон или словарь» Иоганна Христиана Лоссиуса [16].

Значимой вехой в истории развития такого рода методов исследования стало создание в 1930 г. Рудольфом Айслером словаря кантовских терминов [9]. В дальнейшем его усилия были подхвачены рядом последователей, что привело в конечном счете к появлению современного многотомного справочника философских понятий [12]. В настоящий момент это направление настолько развилось, что его методы применяются не только к исследованию терминов кантовской философии, но и вовсе к изучению нефилософских понятий. Однако до сих пор именно исследование кантовской терминологии занимает особое место в историко-философских штудиях.

Новым этапом в этом направлении методологических исследований стало изобретение электронно-вычислительной техники. Именно благодаря последнему стало возможным составление кантовских индексов, начало чему было положено в 60-е гг. XX в. Готфридом Мартином [17]. Активная работа в этом направлении продолжается и по сей день [10]. Применение компьютерной техники открыло широкие просторы для быстрой обработки больших массивов текстовой информации с последующим ее ранжированием. Так, стало возможным проанализировать частотность употребления того или иного термина в текстах Канта, зафиксировать увеличение или уменьшение частоты употребления терминов в разные периоды творчества и в разных работах, посвященных тем или иным разделам кантовской философской системы. Значительно ускорился процесс определения того, немецкая или латинская форма понятия используется, также ускорился процесс выявления контекстов употребления тех или иных языковых форм, что значительно облегчало исследование не только разных контекстов употребления, но и разных нюансов смысла какого-либо понятия.

В целом плюсов открывающихся перспектив применения такого рода методов набиралось достаточно много. Особо активным сторонником их использования можно считать немецкого кантоведа Н. Хинске, по сей день являющегося главным редактором серии FMDA, в рамках которой создаются конкордансы основных текстов раннего и позднего Просвещения в Германии. Стоит отметить, однако, и тот факт, что в настоящее время использование электронных технологий на столько шагнуло вперед, что мы имеем дело уже не только с бумажными конкордансами, но и с онлайн-поисковыми системами, например с поисковой системой Bonper

Kant-Korpus, разработанной Институтом коммуникативного общения и фонетики при Боннском университете (Германия) [8]. Возможности, которые открываются для исследователей истории философии благодаря использованию подобных баз данных, поистине обширны. Ниже это будет продемонстрировано на примере исследования употребления понятия «постулат» в текстах Канта.

Понятие «постулат» используется Кантом уже в докритических работах, причем не единожды. В критический период этот термин прочно входит в кантовскую философскую систему. Пожалуй, сложно найти сегодня хоть сколько-нибудь философски образованного человека, не слышавшего о кантовских постулатах практического разума. В то же время значение этого понятия для многих остается и оставалось весьма туманным, несмотря на стремление Канта дать этому термину четкую дефиницию и отличить его от других близких по значению терминов. Это и приводило (и до сих пор иногда приводит) к ложным интерпретациям кантовских положений, названных им «постулатами». И хотя постулаты присутствуют не только в практической философии Канта, но также и в теоретической, именно для практической философии (особенно для сферы морали) эти необоснованные интерпретации стали особенно популярны. И именно они в конечном счете и приводят к обвинениям Канта в атеизме, безбожии, подрыве основ морали и религии.

Если мы обратимся к определению понятия «постулат», то в «Критике чистого разума» мы находим следующую дефиницию: постулат – это «*теоретическое*, но, как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще *практическому* закону, имеющему a priori безусловную силу» [14, А 220; 5, с. 619]. В то же время в лекциях по логике мы видим несколько иное определение: «Постулат есть практическое, непосредственно достоверное положение или основоположение, определяющее возможное действие, относительно которого предполагается, что способ его осуществления непосредственно известен» [15, А 174–175; 6, с. 366]. Сравнивая эти два определения между собой, сложно не заметить кардинальное расхождение: в одном случае Кант определяет этот тип положения как положения теоретические, в другом – как практические. В то же время в обоих определениях достаточно четко подчеркивается как недоказуемый характер этих положений, так и их непосредственная связь со сферой действий. Собственно, здесь же мы усматриваем и возможный аспект примирения этих определений между собой – именно в предполагаемой известности способа выполнения действия и может быть заложена его теоретичность. Нам необходимо предполагать некоторые теоретические основания, дабы признать то или иное действие и способ его выполнения возможными. Именно так и обстоит дело с практическими постулатами, которые предполагают существование трех предметов – Бога, бессмертия души и свободы воли – как действительно существующих, так как именно они в конечном счете делают возможным моральное поведение человека из плоти и крови, как он представлен в феноменальном мире.

Как оценить то значение, которое отводится термину «постулат» в философии Канта? Такую оценку дает обращение к анализу частоты употребления данного

термина и различных его вариаций в текстах Канта. Так, именно в работах, посвященных практической философии, этот термин и его различные словоформы употребляются с максимальной частотой. При этом увеличение частоты употребления данного термина можно отнести ко второму изданию «Критики чистого разума», где этот термин употребляется по большей части снова же в контексте практической философии. Кроме того, говоря о «Критике чистого разума», следует отметить также и тот факт, что здесь мы встречаем не только сам термин «постулат», но гораздо чаще встречаем различные формы глагола «постулировать» (postulieren), что свидетельствует о том, что в данный временной период Кант хотя уже и шел в сторону формирования своего критического понимания данного термина, однако понимание это было еще до конца не сформировано. Окончательное же его оформление следует отнести ко второй «Критике». Частоту употребления Кантом данного понятия можно наглядно продемонстрировать следующей диаграммой:

* В статье «Verkündigung des nahen Abschlusses eines Traktats zum ewigen Frieden in der Philosophie» (1796) словоформы «postulat» используются дважды.

Сравнивая частоту употребления Кантом разных форм термина «постулат», мы можем отметить, что по большей части Кант употребляет термин «постулат»

уже в привычной нам сегодня немецкой форме. Латинские же варианты употребляются им крайне редко и только в ранних работах (некоторые из которых были написаны на латинском языке, например диссертация 1770 г.).

Таким образом, мы видим на примере анализа употребления различных форм термина «постулат» в философских трудах Канта критического и докритического периода, какую пользу могут оказать методы количественного анализа в историко-философском исследовании, которые реализуются на основе применения современной компьютерной техники. В данном случае, выявив то, в какой период, в каких работах и в каких контекстах преимущественно Кант употребляет данный термин, мы можем проследить процесс становления данного кантовского понятия. Хотя оно и имеет предысторию употребления в докритических работах, однако с уверенностью можно сказать, что собственно в особый термин кантовской философии оно превращается лишь с «Критики практического разума», так как даже в «Критике чистого разума» этот термин еще не приобретает строго очерченных терминологических границ. Исследование истории формирования данного понятия является важным для понимания кантовской философии в целом, так как «постулат» выступает одним из основополагающих понятий практической философии Канта.

Стоит отметить, что подробный анализ изменений частоты употребления Кантом данного термина в разные периоды его творчества, равно как и анализ контекстов его употребления и частоты употребления разных его словоформ, стал возможен в последнее время лишь благодаря развитию электронно-вычислительной техники, которая позволяет за непродолжительный период времени обрабатывать огромные массивы текстовой информации. Это значительно облегчает работу историка философии, сводя ее по сути лишь к последующему анализу полученных результатов и их сортировке. Таким образом, открывая широкие возможности применения методов количественного анализа, компьютерная техника является крайне полезным и удобным инструментом историко-философских исследований, значимость которого не стоит недооценивать.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Генетические корни мышления и речи // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 81–108.
2. Выготский Л. С. Мысль и слово // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 276–337.
3. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991 [Электронный ресурс] / Г.-Г. Гадамер – Режим доступа: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadam01.htm (Дата обращения: 25.09.2017).
4. Кант И. Кант – Герцу // Собр. соч. в 8 тт. / А. В. Гулыга. М., 1994. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 502–504.
5. Кант И. Критика практического разума // Соч. на русском и немецком языках: В 4-х тт. / Н. В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. – М.: Канон-плюс, 1997. – Т. 3. – С. 277–733.
6. Кант И. Логика // Собр. соч. в 8 тт. / А. В. Гулыга. М., 1994. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 266–398.
7. Хинске Н. Кантианство, кантоведение и кантофилология. Размышления об истории рецепции кантовской мысли // Историко-философский ежегодник 2015. – М., Канон-плюс, 2016. – С. 154–173.
8. Das Bonner Kant-Korpus. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/> (Дата обращения: 25.09.2017).

9. Eisler R. Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften. – Berlin: Olms, 2008. – 642 S.
10. Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung / N. Hinske. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 1986 ff.
11. Hinske N. Einleitung // Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. – Bruxelles: Culture et civilisation, 1974. – S. VII–XXXII.
12. Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. – Basel, Stuttgart: Schwabe & Co., 1971–2007.
13. Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776 // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preußische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. – Bd. 10. – S. 198–200.
14. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. IV. – S. 107–302.
15. Kant I. Logik // Werke in sechs Bänden / W. Weischedel. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998. – Bd. III. – 696 S.
16. Lossius J. Chr. Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesammten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd. Erfurt: Rudolphi, 1803-1808.
17. Martin G. Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften // Kant's Gesammelte Schriften / Königlich Preußische Akademie der Wissenschaft. – Berlin: Verlag de Gruyter, 1967. – Bd. 17. – 1110 S.
18. Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie. – Leipzig, 1797. – 464 S.
19. Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung. Jena, 1795. – 668 S.
20. Verneaux R. Le vocabulaire de Kant. – Paris: Aubier-Montaigne, 1967. – Vol. 1. – 201 P.

Kryshstop L.E. Using of the Computer Technique in the Contemporary Studies in History of Philosophy (by the Example of Analysis of Kant's Postulate Notion) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 61–69.

The interest for the language and for the language form of thought was characteristic for the philosophy since it exists. The philosophers of ancient times have already created language conceptions. A greater interest to this sphere we can find in the Middle Age, when the analysis of notions was referred to the Holy Scripture at first and aimed to understand it better. In the Age of Enlightenment these hermeneutics methods have been turned to the non-sacred texts such as philosophical ones. So the first vocabularies for the better understanding of Kant's terminological language have appeared while Kant was alive. Today the computer technique is used for the researches of such more often. In the article the importance of computer technology using in the history of philosophy studies is considered. Analyzing a great array data it gives us the possibility to use the quantitative methods for researching the terminology of different philosophers, what can help us to understand better the matter and the origins of philosophical views of them.

Key words: quantitative methods, history of philosophy, methodology, notions, index, Kant, Kant studies.

References

1. Vygotskii L. S. Geneticheskie korni myshleniya i rechi [Genetic Origins of Speaking]. Myshlenie i rech' [Thinking and Speaking], Moscow, Labirint, 1999, p. 81–108. [In Russian]
2. Vygotskii L. S. Mysl' i slovo [Thought and Word]. Myshlenie i rech' [Thinking and Speaking], Moscow, Labirint, 1999, p. 276–337. [In Russian]
3. Hadamer G.-G. Istoriya ponyatii kak filosofiya [The Notions History as Philosophy]. Aktual'nost' prekrasnogo [The Actuality of Beauty], Moscow, Iskusstvo, 1991. Available at: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_gadam01.htm (Accessed: 25.09.2017). [In Russian]
4. Kant I. Kant – Gertsu [The Letter from Kant to Herz]. Sobr. soch. v 8 tt. [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 502–504. [In Russian]
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. Soch. na russkom i nemetskom yazykakh: V 4-kh tt. [Writings in Russian and German in 4 vol.], ed. by N. V. Motroshilovoi, B. Tushlinga, Moscow, Kanon-plus, 1997, vol. 3, p. 277–733. [In Russian]
6. Kant I. Logika [Logic]. Sobr. soch. v 8 tt. [Writings in 8 vol.], ed. by A. V. Gulyga, Moscow, Choro, 1994, vol. 8, p. 266–398. [In Russian]
7. Hinske N. Kantianstvo, kantovedeniya i kantofilologiya. Razmyshleniya ob istorii retseptsii kantovskoi mysli [Kantianism, Kant-studies and Kant-philology. Meditation on the History of Kant's Thought Reception]. Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2015 [History of philosophy. Yearbook 2015], Moscow, Kanon-plus, 2016, p. 154–173. [In Russian]
8. Das Bonner Kant-Korpus. URL: <https://korpora.zim.uni-duisburg-essen.de/kant/> (Accessed: 25.09.2017).
9. Eisler R. Kant-Lexicon. Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Berlin, Olms, 2008, 642 S.
10. Forschungen und Materialien zur deutschen Aufklärung (FMDA). Abt. III: Indices zur Philosophie der deutschen Aufklärung, Hrsg. von N. Hinske, Stuttgart-Bad Cannstatt, Frommann-Holzboog, 1986 ff.
11. Hinske N. Einleitung. Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung, Bruxelles, Culture et civilisation, 1974, S. VII–XXXII.
12. Historisches Wörterbuch der Philosophie, Hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, Basel, Stuttgart, Schwabe & Co., 1971–2007.
13. Kant I. Brief an Marcus Herz vom 24. November 1776. Kant's Gesammelte Schriften, Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft, Berlin, Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922, Bd. 10, S. 198–200.
14. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Werke in sechs Bänden, Hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998, Bd. IV, S. 107–302.
15. Kant I. Logik. Werke in sechs Bänden, Hrsg. von W. Weischedel, Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1998, Bd. III, 696 S.
16. Lossius J. Chr. Neues philosophisches allgemeines Real-Lexicon oder Wörterbuch der gesamten philosophischen Wissenschaften in einzelnen, nach alphabetischer Ordnung der Kunstwörter auf einander folgenden Artikeln in 4 Bd. Erfurt, 1803–1808.
17. Martin G. Allgemeiner Kantindex zu Kants gesammelten Schriften. Kant's Gesammelte Schriften, Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin, Verlag de Gruyter, 1967, Bd. 17, 1110 S.
18. Mellin G. S. A. Encyclopädisches Wörterbuch der kritischen Philosophie, Leipzig, 1797, 464 S.
19. Schmid C. Chr. E. Wörterbuch zum leichtern Gebrauch der Kantischen Schriften nebst einer Abhandlung, Jena, 1795, 668 S.
20. Verneaux R. Le vocabulaire de Kant, Paris, Aubier-Montaigne, 1967, Vol. 1, 201 p.